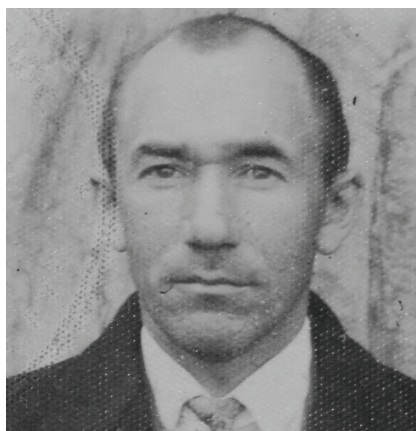

Diliara M. Usmanova*

Архивно-следственное дело
Шарифа Айдарова (1940 г.)
как источник по религиозно-
национальной истории
татарской общины
г. Вильно в межвоенный период

DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/LC.2020.011>

Шариф Айдаров

Авторский личный архив

(LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 18-6)

* Диляра М. Усманова

Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института международных отношений КФУ, Казань, Россия.

E-mail: dusmanova2000@mail.ru | ORCID: 0000-0002-1046-7945.

1. Следственное дело № 651: специфика архивно-следственных дел и следственного дела Шарифа Айдарова¹

20 декабря 1940 года в г. Вильно в результате доноса тайного агента органов НКВД был арестован Шариф Хасанович Айдаров, заподозренный в «шпионской» деятельности. Уже попав в застенки карательных структур, арестованный довольно быстро был «расколот» и стал давать признательные показания. На основе этих признаний ему были предъявлены обвинения в антисоветской деятельности, хотя из многочисленных обвинений самым реальным и неопровержимым может считаться лишь обвинение в нелегальном переходе границы и использовании поддельных документов. Материалы допросов ясно свидетельствуют, что в реальности арестованный не был ни профессиональным агентом, ни шпионом, ни даже самым активным и влиятельным национальным деятелем. Впрочем, следователей отнюдь не смущало отсутствие каких-либо реальных доказательств. Поскольку еще во времена А. Я. Вышинского (генпрокурор в 1935–1939 гг.) в качестве кредо советского следствия была взята формула: «признание вины – царица доказательств», Ш. Айдаров разделил судьбу многих тысяч граждан Польского государства, оказавшихся в ГУЛАГе.

Данная статья посвящена характеристике национально-религиозной жизни татарской общины предвоенного Вильно, однако через призму одной персональной судьбы. Выбор в качестве «главного героя» Шарифа Айдарова, в общем-то довольно заурядной персоны, не случаен и объясняется рядом обстоятельств. Не обладая исключительными личными качествами и не занимая очень высокого положения в исламской общине Виленского края, персона и судьба Шарифа Айдарова, тем не менее, представляет интерес для более тщательного изучения. Будучи уроженцем Европейской части России (он был касимовским татаринем), Шариф Айдаров в начале 1920-х гг. переехал в Польшу в качестве политэмигранта и представлял в целом немногочисленную, но весьма активную и влиятельную татарскую эмиграцию, поддерживал контакты с более видными татарскими эмигрантами. Одновременно, благодаря своему браку с представительницей знатной семьи из рода белорусско-литовских татар Богдановичей, Шариф Айдаров был вхож в круг польско-литовско-белорусских татар и был довольно хорошо осведомлен о внутренней жизни татарской общины Виленского края. Поскольку в межвоенный период (1920–1930-е гг.) город Вильно выступал одним из важнейших исламских религиозных центров, его связи и контакты представляют интерес для изучения разнообразных аспектов религиозной жизни мусульманской общины Польши. Таким образом, некое «промежуточное» положение, занимаемое Ш. Айдаровым в силу происхождения и личных связей, давало ему определенные дивиденды и преимущества.

Во-вторых, далеко не все архивно-следственные дела арестованных накануне и в начале Второй мировой войны представителей национальных и религиозных меньшинств данного региона, оказавшегося под контролем Советской России, сохранились

¹ Особый архив Литвы (Lietuvos Ypatingasis Archyvas, далее: LYA). Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614.

в полном виде. В ряду такого рода источников архивно-следственное дело Ш. Айдарова представляется наиболее полным, разносторонним и обстоятельным. И хотя оно имеет определенные изъятия и лакуны, о чем еще будет сказано позднее, анализ материалов данного следственного дела может позволить раскрыть новые нюансы и аспекты во внутренней жизни мусульманской общины предвоенного Вильно.

В-третьих, поскольку сам Шариф Айдаров не принадлежал к национальным деятелям «первого ряда», о нем практически ничего не было известно. И материалы анализируемого мной архивно-следственного дела позволяют воссоздать практически с нуля его персональную биографию и описать жизненный путь, отчасти довольно типичный для человека той эпохи, отчасти уникальной, но бесспорно весьма трагичный.

В то же время, в процессе воссоздания этой биографии практически с нуля я столкнулась с рядом сложностей, обусловленных не только личными качествами актора, но и специфичностью архивно-следственного дела как исторического источника. Поэтому, на мой взгляд, следует несколько слов сказать о данном типе исторических источников.

Использование в исторических работах и тем более научная публикация материалов следственных дел ставит перед учеными проблему полноты и достоверности этого типа исторического источника (Żurawlew 2004: 371–398). Известно, что период массовых репрессий было издано постановление не фиксировать протоколы допросов, на которых подследственные не давали «признательных» показаний, поэтому исследователи изначально вынуждены работать только с «признаниями» арестованных. Помимо этого, протоколы допросов зачастую трафаретны, нередко явно сфальсифицированы, иногда подтасованы или составлены «задним числом». Исследователи отмечают, что само следствие велось с массовыми нарушениями элементарных процессуальных норм, с использованием разнообразных мер физического (физическое насилие, ночные допросы) и психологического (угрозы семье, увещания и шантаж, игра в «доброе» и «злого следователя» и пр.) воздействия. Иногда достаточно посмотреть на фотографии арестованного, сделанные с небольшим интервалом времени: на изображениях периода следствия мы чаще всего видим вконец изученного и зачастую даже сломленного человека.

Наконец, протоколы допросов всегда имеют двойное авторство: помимо самого допрашиваемого к их составлению в гораздо большей степени были причастны следователи, которые просто диктовали необходимые для них показания, вели следствие по заранее разработанному сценарию. «Соавторство» арестованного и следователя выражалось не только в том, что протоколы заполнялись рукой последнего. Даже «собственноручные показания» нередко писались под диктовку, что четко проявляется в использовании трафаретных и не всегда свойственных арестованному выражений и лексических штампов. Поэтому историк должен выступать в роли «дешифровщика» таких специфических текстов. Особенно это важно при изучении архивно-следственных дел периода тоталитаризма. Тем не менее, в следственных делах есть немало ценной информации.

Это утверждение верно и в отношении следственных дел польско-литовских татар или же представителей татарской эмиграции: показания арестованных содержат массу ценных сведений, проливающих свет на нюансы функционирования мусульманской общины в восточных областях Польского государства в 1930-х годах (O. N. Mirza

Крыczyński 1932; L. N. Mirza Kryczyński 1935: 75–76; Miśkiewicz 1991). Ценность таких источников² возрастает, если учесть, что документы национальных организаций, мусульманских общин и структур, а также личные архивы большинства религиозных и национальных активистов погибли на рубеже 1930–1940-х гг. Частью эти документы были сознательно уничтожены уходившими перед советской оккупацией национальными деятелями (например, муфтий Якуб Шинкевич вместе со своим заместителем Яковом Романовичем сожгли практически весь архив Вильнюсского муфтиата перед тем, как покинуть город), а частью погибли во время бомбежек и боевых действий. Эти обстоятельства очень сильно «обескровили» источниковую базу, что осложняет проведение конкретно-исторических исследований и побуждает исследователей обращаться к свидетельствам архивно-следственных дел несмотря на их очевидные недостатки и изъяны.

Судя по материалам следственного дела сама персона Шарифа Айдарова не вызвала особого уважения в татаро-мусульманской общине Польши, прежде всего, своими личностными качествами. Перед современным читателем также рисуется облик далеко не самого «высокоморального» и идейного человека. В ходе следствия (и протоколы допросов красноречиво об этом говорят), Айдаров неоднократно лукавил и обманывал, в конце концов запутавшись в своих многочисленных версиях и легендах. Его слова нельзя принимать просто на веру, а необходимо уточнять, перепроверять и «дешифровать». Но все эти обстоятельства не отменяют ценности материалов следственных дел, просто побуждают подходить к анализу упомянутых документов с особым вниманием, тщательно реконструируя исторический контекст. Если убрать идеологическую составляющую, «очистить» показания от сознательной или невольной неправды, помнить о разнообразных мерах воздействия на арестованного со стороны следствия и пр., то в таком случае из них можно извлечь массу интересной и важной информации. Очевидно, что материалы допросов Ш. Айдарова ценны для изучения социальной среды, в которой вращался подследственный: это как общество польско-литовских татар (через семью жены), так и эмигранты из числа поволжских татар, близкие ему в силу происхождения и родного языка.

2. Обстоятельства ареста и заключения Шарифа Айдарова в виленской тюрьме Лукишки

Как я уже упоминала, одним из оснований ареста Ш. Айдарова стали донесения тайного агента НКВД от 22 октября 1940 года³. В этих агентурных донесениях довольно много внимания было уделено характеристике его личности, описанию связей и кон-

² LYA. Z. K–1. Kat. 58. S. P–12811. В частности, благодаря материалам следственного дела братьев Кричинских, впервые обнаруженных и опубликованных автором этих строк в середине 2000-х гг., были уточнены многие неизвестные моменты биографии и особенно последних месяцев жизни О. Кричинского. См.: (Usmanowa 2008b: 126–141; Usmanowa 2008c: 136–146).

³ LYA. Z. K–1. Kat. 58. S. P–13970 (Фонд К–1. Опись 58. Дело P–13970). Л. 44/2–44/5.

тактов с различными представителями татарской общины г. Вильно. Благодаря связям родственников жены (среди которых, помимо тестя Сулеймана Богдановича, были муфтий Якуб Шинкевич и заместитель муфтия Яков Романович) Ш. Айдаров был вхож в т.н. виленское «высшее общество татар», общался с проф. Базаревским, отцом и сыном Вайсовыми. При этом автор доноса не жалеет критических эпитетов, обвиняя Айдарова в трусости, лживости и даже подлости, в субъективности и склонности видеть в людях лишь плохое, а также в лени и нежелании работать.

При чтении агентурных донесений складывается ощущение, что после начала волны арестов среди польско-литовских татар Ш. Айдаров запаниковал. Он серьезно испугался, что власти узнают его тайну, привлекут к ответственности, накажут как бывшего «члена партии, нелегально бежавшего из Советского Союза». Узнав об аресте Я. Романовича (22.10.1940) он стал высказывать опасение, что «если последний не сумеет молчать, то, пожалуй, все члены организации сядут. И вообще весь день был взволнован арестом Романовича и опасениями, будет ли тот молчать как Вайсовы»⁴. Вероятно, контакты с тайным агентом НКВД, активные рассказы о себе и прочие действия были ошибочными и имели для Ш. Айдарова роковые последствия, поскольку только приблизили его арест в декабре 1940 г.

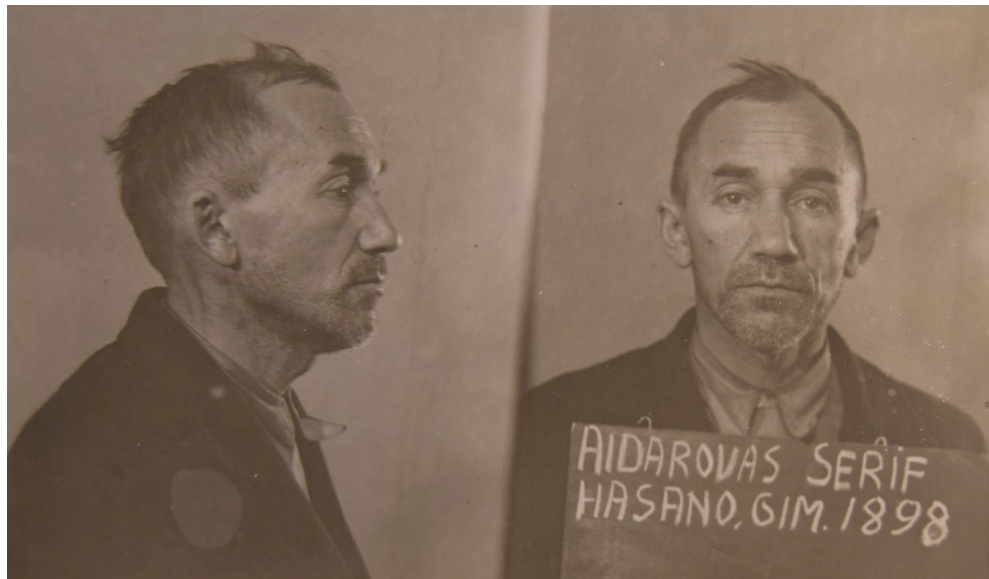

Тюрьма Лукишки (Вильнюс, Литва), современный вид. Середина 2000-х гг.

Фото автора

⁴ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13970. Л. 44/5.

Арестованный содержался в тюрьме № 2 г. Вильно вплоть до вынесения приговора в мае 1941 года. Следствие шло «плодотворно», поскольку арестованный с самого начала был весьма «разговорчив», что могло стать итогом различных мер воздействия на арестованного. Материалы следствия показывают – а следователи того времени были большими формалистами в плане внешнего оформления документов (протоколов допроса, в частности) – что в конце декабря 1940 г. (23, 28 и 29 декабря), а также в марте 1941 г. Шариф Айдаров допрашивался ежедневно по 6–7 часов. Результаты допросов были оформлены в довольно лаконичных протоколах. Несоответствие «затраченного» на допрос времени и полученных сведений также наводит на мысль о сложности следствия. Я уже упоминала, как изменился за короткий срок внешний облик Ш. Айдарова, что не оставляет сомнений в применении к нему различных мер физического и морального «воздействия».

Фотография Шарифа Айдарова из следственного дела
(ЛЯ. З. К-1. Кат. 58. С. Р-13614. Л. 7)

23 января 1941 г. было вынесено постановление с обвинением Ш. Айдарова в принадлежности к националистической организации «Идел-Урал», а также занятием с 1940 г. шпионской деятельностью, направленной против Советского Союза (ст. 58, п. 1а, 4, 11)⁵. Признав только факт двойного перехода советской границы (в 1922 и 1939 гг.), все остальное Ш. Айдаров признавать категорически отказался. Впрочем, следователи не стали принимать во внимание этот отказ, поскольку он не входил в их планы. Следователи обычно сначала сформулировали обвинительное постановление, а потом «добывали» недостающие признания и показания.

С конца января 1941 г. Ш. Айдарова вновь начинают активно «колоть», вынуждая признать «шпионскую» деятельность⁶. Например, 28 и 29 января допросы

⁵ ЛЯ. З. К-1. Кат. 58. С. Р-13614. Л. 29–29об.

⁶ ЛЯ. З. К-1. Кат. 58. С. Р-13614. Л. 24–25.

длились более пяти часов (с 20:40 до 01:55 и с 20:30 до 01:30). Итог этих допросов был довольно «скуден» – признаний в шпионской деятельности Ш. Айдаров не дал, никого кроме упомянутых ранее Гаяза Исхаки, отца и сына Ваисовых, а также Эдигея Шинкевича, он больше не назвал.

После этого в следствии наблюдается почти двухмесячная пауза и весной (25–26 марта 1941 г.) начинается новая волна допросов, впрочем, вполне формальных. Тогда же была переквалифицирована одна статья обвинения: признав, что в 1939 г. Ш. Айдаров не являлся гражданином СССР, с него сняли обвинение по ст. 58, п. 1а. 29 марта было составлено окончательное обвинительное заключение и к концу марта 1941 г. следствие в целом было завершено, а обвинительное заключение (л. 38–39) было передано на рассмотрение Особого совещания. Ш.А. Айдаров был признан социально опасным элементом (социальная категория «кулак»), обвинен в принадлежности к националистической контрреволюционной организации, в проведении шпионской деятельности, а также в нелегальном переходе советской границы в 1922 и 1939 гг. (ст. 58–4, 58–6 и 58–11 УК РСФСР). 24 мая 1941 г. Особое совещание при НКВД СССР вынесло постановление о признании Ш. Айдарова социально-опасным элементом и приговорило его к 8 годам ИТЛ⁷. Срок заключения исчислялся с 23 декабря 1940 г., а сам подсудимый был этапирован в знаменитый Карлаг.

Такова внешняя канва ареста Ш. Айдарова и расследования его дела, которое в целом не выходит за рамки других известных нам арестов видных представителей татарской общины Литвы, оказавшихся под Советской властью. К сожалению, отсутствие иного рода документов (в частности, документов личного происхождения, как-то письма, воспоминания и пр.) не позволяют нам сравнить эти сведения, почерпнутые из следственного дела, с независимыми источниками.

3. Биография Шарифа Айдарова: происхождение и семья

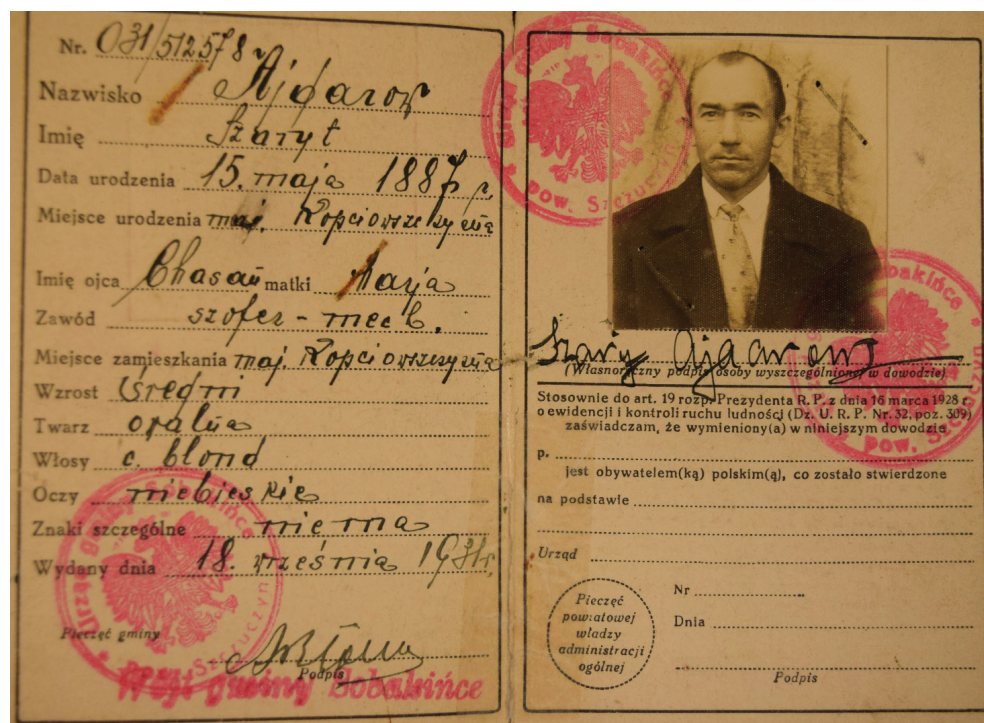
Поскольку о Шарифе Айдарове раньше практически ничего не было известно, я предприняла попытку опираясь на материалы архивно-следственного дела провести эту историческую реконструкцию. Очевидно, что задачей самого подследственного было максимально запутать следствие и предоставить лишь выгодную для себя информацию. Поэтому в деле очень много противоречий, взаимоисключающих свидетельств и даже откровенной лжи, через которую приходилось пробираться, чтобы дойти до истины.

Итак, судя по материалам следственного дела, есть две версии относительно места и даты рождения Шарифа Айдарова. В соответствии с метрикой и польским паспортом, выданном в 20-х гг. XX в., родился он в г. Вильно в 1887 году. Однако в ходе следствия выяснилось, что эти польские документы являются поддельными. Позднее настоящей датой рождения был указан 1898 год, а местом рождения – Касимовский

⁷ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 38–39, 40 (41).

уезд Рязанской губернии. Ш. Айдаров назвал также имена своих ближайших родственников, оставшихся в Советской России, поведав более-менее правдоподобную версию своей ранней биографии.

По какой причине Ш. Айдаров использовал поддельные документы и каким образом он их получил? Скорее всего, он действительно нелегально переехал из Советской России на территорию Польского государства (точнее в Западную Белоруссию), на родину жены, в конце 1922 – начале 1923 гг. Намереваясь легализоваться в Польском государстве, он через своего тестя Сулеймана Богдановича «добывает» поддельное свидетельство о рождении в Литве, на основании которого позднее делает польский паспорт (выданный гминой Собакинской волости 18.10.1931 г., № 512578)⁸ и польское гражданство.

Фотография паспорта Шарифа Айдарова из следственного дела
(LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 18-6)

⁸ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 5.

То, что «литовско-татарское» происхождение Ш. Айдарова было «липовым», подтверждается не только более поздними признаниями, но и другими свидетельствами⁹. Явные нестыковки и логические противоречия вынудили его, в конце концов, признать истинное место и время рождения. Однако, парадоксальным образом, фальшивое польское гражданство все же помогло ему позднее освободиться.

Итак, Ш. Айдаров родился в деревне Мунтово Касимовского уезда Рязанской губернии, то ли в 1887 г., то ли в 1898 г., то ли в 1890 г. Его отец Хасан Салихович Айдаров работал официантом («кельнер») – самое распространенное занятие для касимовских татар – и умер в 1911 г. Правда в другом месте было сказано, что отец, как и братья, в начале 1920-х гг. проживали в Москве. Мать (Марьям) и младший брат Кадыр умерли в 1906–1907 гг. Другие братья – Гани (1890 г.р.)¹⁰, Хафиз (1893 г.р.) и Шамиль (1903 г.р.) – проживали в Москве. Отношения с ними прервались после отъезда Шарифа из Москвы в 1922–1923 годах¹¹. Шариф Айдаров, как уроженец Европейской части России, свободно говорил по-татарски, каковые навыки польско-литовскими татарами были уже давно утеряны.

Получив начальное образование, Ш. Айдаров в 1906–1909-х гг. работал помощником официанта при буфете в Европейской гостинице в Санкт-Петербурге. В 1909–1910-х гг. обучался на курсах шоферов, после чего с 1910 по 1915 гг. работал шофером при той же гостинице. Затем он был призван на фронт: в 1915–1918 гг. служил шофером в составе 7-й автомобильной роты в чине рядового. После демобилизации летом 1918 г. Ш. Айдаров переехал в Москву, где с 1918 по 1920 год служил в Центральной мусульманской военной коллегии заместителем начальника по хозяйственной части. В 1921 г. он был командирован на 8 месячные курсы политработников при Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова (т.н. «Свердловский университет», г. Москва), успешно завершив их в 1922 году¹². В приватном разговоре Ш. Айдаров характеризовал обучение в этом заведении весьма нелицеприятно: «там долбили политическую экономию и вдавливали идеи коммунизма, а говоря между нами просто оглупляли»¹³. Но во время допросов он, естественно, такой критики в адрес этого советского вуза не допускал.

По словам арестованного, приняв решение переехать к жене в Польшу, Ш. Айдаров обратился в польское консульство и после некоторых мытарств смог выехать в Вильно через Минск. На другом допросе (21 декабря 1940 г.) утверждал, что нелегально перешел советско-польскую границу в ноябре 1922 г. в районе местечка Городок (недалеко от Витебска)¹⁴. С 1922 по 1939 гг. он жил в имении тестя в Гродненской

⁹ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 13–14. Протокол допроса фиксирует, что Ш. Айдаров начинает с заведомо неверной даты рождения, затем с 1906 г. излагает вполне достоверные сведения.

¹⁰ Среди репрессированных в 1930-х гг. упоминается его старший брат. Уроженец д. Мунтово Касимовского района Ганей Гасанович Айдаров (1893 – 23.12.1938) был арестован 17 апреля 1937 г., осужден линейным судом Московской жд. 4 августа 1937 г. по ст. 58–7, 58–10 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. Накануне ареста служил начальником автобазы Московской окружной железной дороги. См.: *(Книга памяти Республики Коми. т. 9, ч. 1. Baza danych «Zertwy polityczeskogo tierrora w SSSR».* <http://base.memo.ru/person/show/368191>).

¹¹ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 6, 13. Л. 260б.

¹² В июле 1918 г. в Москве были созданы 6–8 месячные Курсы агитаторов и инструкторов при ВЦИК, в июле 1919 г. преобразованные в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова (до 1938 г.).

¹³ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13970. Л. 44/2.

¹⁴ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 15.

губернии (в 1920–1939 гг. находилась в составе Польской республики), занимаясь сельским хозяйством. В 1930-х гг. имение было поделено на три части: между С. Богдановичем и двумя его детьми (сыном и дочерью). Поэтому Ш. Айдаров позиционировал себя как владелец третьей части поместья общей площадью в 58 гектаров, с двумя домами, 3-мя коровами и 3-мя лошадьми. Эти сведения позволили следствию отнести его к категории «кулаков» и обвинить в принадлежности к националистической контрреволюционной организации.

На рубеже 1939–1940-х гг., после установления советского контроля над Западной Белоруссией, Ш. Айдаров вновь нелегально пересек границу и переехал с семьей в Вильно¹⁵. На момент ареста (декабрь 1940 г.) он проживал в г. Вильно по адресу ул. Мостовая, д. 21, кв. 7, занимаясь сапожным и слесарным делом, был женат на Галине Богданович (примерно 1903 г.р.) и имел четверых детей – сыновей Али (1922 г.р.), Вали (1924 г.р.), Шамиля (1927 г.р.) и дочь Лейлу (1930 г.р.). Жена являлась домохозяйкой, а дети учились в гимназии.

4. Показания Шарифа Айдарова о религиозно-национальной жизни польско-литовских татар и некоторых представителей татарской эмиграции

В своих показаниях Шариф Айдаров довольно подробно описывал встречи с представителями национальных и религиозных структур мусульман г. Вильно. Часть показаний касались организатора «Союза татарской молодежи» (1936) Эдигея Шинкевича, которого Ш. Айдаров характеризует весьма отрицательно, постоянно обвиняя в чем-то, но при этом поначалу не давая никакой конкретной информации¹⁶. Показания, данные в январе 1941 г., стали уже более подробными, что еще раз подтверждает использование мер физического и психологического воздействия. Причисление Эд. Шинкевича, Али Полторжицкого и Гаяза Исхаки к основным идеологам «движения Идел-Урал» стало основанием для выделения дел трех упомянутых персон в отдельное «следственное дело» (дело «Восток» от 23 марта 1941 г.)¹⁷.

В показаниях от 7 января 1941 г. Шариф Айдаров довольно подробно описывает многолюдное собрание, которое состоялось в муфтиате (ул. Остробрамская, д. 7) зимой 1936 г. На это собрание он попал благодаря содействию своего тестя С. А. Богдановича, имевшего обширные связи с руководством вильнюсского муфтиата.

Как уже отмечалось, во время допросов Ш. Айдаров весьма охотно делился своими мыслями и наблюдениями, подробно характеризовал сторонников проекта

¹⁵ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 16–16 об.

¹⁶ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 20–23 об.

¹⁷ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 33.

«Идел-Урал» Гаяза Исхаки, Гаяна и Асафа Ваисовых¹⁸. Проживавший в Литве с 1918 г. Гаян Ваисов к началу 1920-х гг. занимал видное место в мусульманской общине города Вильно, одновременно был весьма близок с лидером движения «Идел-Урал» Гаязом Исхаки («большие приятели», часто встречались как в Варшаве, так и в Вильно), жившем в г. Варшаве, выпускал издаваемый им журнал «Яңа милли юл» и даже агитировал Айдарова, чтобы и тот подписался на этот журнал.

По показаниям Ш. Айдарова, один из сыновей Гаяна – Асаф (28 лет) – в 1935–1936 гг. учился в Бельгии, а в 1936–1939 гг. жил и учился в г. Варшава, где состоял в организации (видимо «Прометей»), объединявшей крымских и казанских татар. К началу 1940-х гг. Асаф вернулся в Вильно, где занялся семейным бизнесом (пекарней и торговлей хлебобулочными изделиями). Судя по всему, один из сыновей Гаяна Ваисова застрелился. Однако ни точного имени не названо (Асаф¹⁹ или Назыф?), ничего не сказано о мотивах и времени этого самоубийства.

Интересно, как Шариф Айдаров описывал свое знакомство с Гаяном Ваисовым, которое состоялось в 1923 году²⁰. В это время Г. Ваисов уже владел сетью пекарен и магазинов (на улице Мицкевича и др.). В то же самое время в Вильно жил и тесть Айдарова Сулейман Богданович, который и повел их знакомиться их со словами: «сходим, здесь есть казанский татарин...; ты с ним поговоришь по-татарски, и он нас угостит». Далее Ш. Айдаров описывает, как они остались недовольны угощением, называя хозяйина «скупым» и сетуя на отсутствие особой сердечности в общении. Однако во время исламских религиозных праздников Гаян Ваисов всегда щедро угощал гостей, поэтому многие татары г. Вильно по праздникам старались ходить к нему «поесть».

Поскольку Шариф Айдаров большую часть времени проживал в имении тестя, то встречи были видимо нечастыми. После того, как Айдаров с семьей перебрался в Вильно, в поисках работы он обратился за помощью в Гаяну Ваисову. Но последний на просьбу своего соотечественника лишь «сморщился» и в предоставлении возможной работы в пекарне отказал. В этих показаниях Айдарова явно сквозила обида и неприязнь: очевидно, Ваисовы его недолюбливали, называя его «изменником» (видимо за коммунистическое прошлое и отсутствие политических принципов).

В то же время, Шариф Айдаров постоянно подчеркивал, что их взгляды всегда резко расходились, что отец и сын Ваисовы были яркими националистами, а он такие взгляды считает вредными. Но постоянное упоминание враждебного к себе отношения, своего неприятия их «националистической деятельности» и пр., были вызваны лишь стремлением отвести от себя возможные обвинения. Как-бы подсудимый не пытался открититься от Гаяза Исхаки и Гаяна Ваисова (обвиняя его и прочих «националистов» в желании «оторвать Казань и несколько губ. от Союза Советов с целью создания этой республики буржуазно-националистического характера»²¹), довольно часто он проговаривается. Например, Айдаров упоминает, что переписывался

¹⁸ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 18–18об., 19–19 об., 23–23 об. О религиозном движении «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман», о том, каким образом Гаян Ваисов оказался в Литве подробнее см.: (Usmanowa 2008a: 253–262; Usmanowa 2009; Usmanowa 2014: 81–98).

¹⁹ Асаф Ваисов был арестован 13 июля 1940 г., однако вследствие утери следственного дела судьба его неизвестна.

²⁰ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 18–18об., 19.

²¹ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 18–18об.

с Г. Ваисовым, что получал письма и приглашение от Гаяза Исхаки стать участником татаро-мусульманского съезда в Варшаве (1937). В этом приглашении ему были обещаны оплата дороги и проживания в польской столице²². Эти оговорки показывают, что Ш. Айдаров был довольно хорошо осведомлен о ситуации и положении дел в среде тюрко-татарской эмиграции в Польше, имел прочные контакты с его лидерами. Неизвестно, участвовал ли он в этом съезде, но в ведущем татароязычном эмигрантском журнале «Яңа милли юл» («Национальный путь»), издаваемом Гаязом Исхаки, есть следующее свидетельство: 6 сентября 1937 г. Шариф Айдаров посетил Виленское отделение польского радио и сделал радииную запись, во время которой произнес несколько фраз на татарском языке, а также исполнил старинные татарские народные мелодии и песни на стихи Тукая²³. Это выступление Ш. Айдарова по польскому радио на родном татарском языке вызвало большой подъем и воодушевление среди татарской эмиграции, которая обратилась с благодарственным письмом за это мероприятие.

Следует сказать, что в деле довольно часто фигурировало имя его тестя – Сулеймана Богдановича, принадлежавшего к большому татарскому дворянскому роду Минской губернии. Как и многие его соотечественники, Сулейман Александрович Богданович²⁴ состоял на военной службе и в период Первой мировой войны был призван на фронт. Вероятнее всего, его семья была вынуждена покинуть родные края вместе с другими беженцами в 1915–1916 гг., в период оккупации северо-западного региона немцами. Весной 1918 г., демобилизовавшись по болезни, С. А. Богданович стал сотрудничать с Центральной мусульманской военной коллегией (1918–1919 гг.), в которой, примерно в это же время работал его будущий зять.

До конца мая 1922 г. С. А. Богданович с матерью (примерно 1861 г.р.) и сыном (1907 г.р.) проживал в Казани, где состоял управляющим делами ЦИК Татарской республики²⁵, а также преподавал на Мусульманских командных военных курсах. Должность Управделами стояла довольно высоко в советской иерархии, поскольку ТатЦИК являлся высшим органом власти в молодой Татарской республике (ТАССР была учреждена в мае 1920 г.). В то же время, эта была сугубо административно-хозяйственная должность, способная обеспечить материальными благами, но едва ли дававшая ее обладателю политическую власть и влияние. К сожалению, делопроизводственные документы и иные архивные дела периода гражданской войны и начала 1920-х гг. сохранились очень плохо, а личное дело С. А. Богдановича за период его службы в ТатЦИКе в ГА РТ отсутствует. Однако известно, что С. А. Богданович входил в число сотрудников республиканского правительства высшего ранга, имевших право на получение т.н. «литерного пайка» на себя и двух членов семьи²⁶. Это довольствие, различного рода выплаты и материальные блага (помимо заработной платы, советские служащие получали продукты, табак, керосин, одежду, дрова и пр.) были тем более важны, что 1921–1922 гг. были самыми страшными и голодными годами в истории Советского Поволжья.

²² LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 20.

²³ Yana milli yul 1937. № 10 (115). Октябрь. С. 28.

²⁴ К сожалению, в этом сборнике нет информации о представителях большого рода Богдановичей. См.: (Dumin et al. 2012: 432). В интернете также не удалось найти о нем достоверной информации.

²⁵ LYA. Z. K-1. Kat. 58. S. P-13614. Л. 14об.; GART. Z. 732. Kat. 1. S. 86. 179 k. Л. 1.

²⁶ GART. Z. 732. Kat. 1. S. 86. 179 k. Л. 1. Его супруга с дочерью в это время, вероятнее всего, находились в Москве.

В самом конце мая 1922 г. С. А. Богданович взял месячный отпуск, но после окончания законного отпуска не вернулся ни в здание ТатЦИКа, ни вообще в Казань, что вероятно, стало «неприятным сюрпризом» для его коллег²⁷. В конце июля 1922 г. он был просто исключен из состава управления делами ТатЦИК. После завершения советско-польской войны, нормализации советско-польских отношений и обретения Польшей самостоятельности, многие польско-литовские татары стали возвращаться на родину. Среди них был и Сулейман Богданович, который навсегда покинул Казань и, вернувшись в родные края, поселился в г. Вильно.

Таким образом, обращение к материалам следственного дела Шарифа Айдаров дает нам возможность «заглянуть за кулисы» и узнать о тех формальных и неформальных контактах, которые выстраивались внутри татарско-мусульманской общины г. Вильно и даже шире Польши в межвоенные годы. Более того, восстановление персональной судьбы одного конкретного заключенного становится невозможным без воссоздания исторического контекста и более тщательного описания той среды, где он вращался, тех людей, с кем он общался. Помимо этого, материалы данного архивно-следственного дела позволили почерпнуть новые сведения о таких исторических фигурах, как Сулейман Богданович, Гаян Вайсов и др., которые еще по-прежнему остаются чрезвычайно плохо изученными и малоизвестными, что не вполне заслуженно.

5. Итоги следствия и превратности судьбы

Примечательно, что в итоговом протоколе вновь была указана неточная дата рождения (1887 г.), а также упомянуто гражданство СССР (?!). Несмотря на это упоминание советского гражданства уже через несколько месяцев заключения, точнее в сентябре 1941 г., Ш. Айдаров как польский гражданин (?!) был амнистирован.

Этому освобождению помогло то обстоятельство, что в соответствии с лондонским договором между Советским правительством и главой польского правительства в изгнании В. Сикорским (30 июня 1941 г.), польские граждане, оказавшиеся на территории СССР, подлежали амнистии. В продолжение соглашения 12 августа 1941 года Президиум Верховного совета СССР издал указ об амнистии военнопленных, интернированных, осужденных и пр. имеющих на момент ареста польское гражданство. Из амнистированных предполагалось укомплектовать части польской армии, получившей название армии В. Андерса²⁸.

Польско-советское соглашение и амнистия спасли жизни тысячам польских граждан, однако, к сожалению, далеко не всем. Например, арестованный 13 февраля 1941 г. Ольгерд Кричинский не смог воспользоваться этой амнистией. Еще в 1939 г.

²⁷ GA RT. Z. 732. Kat. 1. S. 115. Л. 43об., 59.

²⁸ «1 октября Берия сообщил Сталину и Молотову о том, что из 391575 польских граждан, находившихся в местах заключения и в ссылке, к 27 сентября освобождены из тюрем и лагерей ГУЛАГа 50295 человек, из лагерей военнопленных – 26297 и, кроме того, 265248 спецпоселенцев. На формирование Армии Андерса к этому времени были направлены 25115 бывших военнопленных. Туда же прибыли и 16 647 освобожденных из тюрем, лагерей и спецпоселений; еще 10000 человек находились в пути» – https://ru.wikipedia.org/wiki/Соглашение_Сикорского-Майского. См. также: (*Stalin, Bierija i sud'ba armii Andersa w 1941–1942 gg. (Iz rassiekrieczennych archiwow)* 1993: 59–90).

он переехал из Варшавы в Вильно и в короткий период «литвизации» Виленского края успел принять литовское гражданство. Поэтому, не попав под вполне логичную в данном случае амнистию, осенью 1941 г. он был этапирован в г. Горький, а уже 2 мая 1942 года Особым совещанием при НКВД приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение буквально через месяц²⁹. Таковы превратности судьбы.

В этом отношении судьба была более благосклонна к «нашему герою», хотя он и имел гораздо меньше оснований для этой амнистии. Уже 17 сентября 1941 г. Ш. Айдаров получил удостоверение, дающее право свободного проживания на территории СССР (за исключением приграничных территорий и режимных городов). В качестве места проживания он выбрал село Верхний Услон Татарской АССР³⁰. Удивительно, что после долгих разбирательств в его итоговых документах были указаны очевидно фиктивные сведения – 1887 год как год рождения и г. Вильно как место рождения. Было ли это оплошностью судебных делопроизводителей или сознательным искажением в обмен на какие-либо показания, сказать уже невозможно. История это умалчивает. После того, как из лагерного заключения Ш. Айдаров отправился на «свободное» поселение в Татарстан, дальнейшая его судьба остается неизвестной. Окончательная реабилитация Шарифа Айдарова состоялась уже посмертно, в 1989 г.

Библиография

- Baza danych „Zertwy polityczeskogo tierrora w SSSR”. <http://lists.memo.ru/> [10.12.2017].
- Dumin, Stanisław [&] Gazym Sitdykow [&] Adas Jakubauskas 2012. *Litowskije tatarj w istorii i kulturie*. Kaunas: Sojuz obszczin tatar Litwy.
- Kryczyński, Leon Najman Mirza 1935. „Tatarzy polscy a Wschód muzułmański”. *Rocznik Tatarski* 2: 1–130.
- Kryczyński, Olgierd Najman Mirza 1932. „Ruch Nacjonalistyczny a Tatarzy Litewscy”. *Rocznik Tatarski* 1: 5–20.
- Miśkiewicz, Ali 1990. *Tatarzy polscy. 1918–1939*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Prikazy po Uprawleniju dielami TatCIKa. Swiedienija o strukturie i sztatach Tatcyka. Janwar'-diekabr' 1922 g.* W: Gosudarstwiennyj archiw Rjespubliki Tatarstan (GA RT). Z. 732. Kat. 1. S. 115.
- Sledstwiennoje dieło po obwinieniju Olgierda Najman-Mirza Kriczinskogo.* W: *Osobyj archiw Litwy* (Lietuvos Ypatingasis Archyvas, dalej: LYA). Z. K–1. Kat. 58. S. P–12811.
- Sledstwiennoje dieło po obwinieniju Szarifa Ajdarowa.* W: LYA. Z. K–1. Kat. 58. S. P–13614.
- Sledstwiennoje dieło po obwinieniju Jakowa Romanowicza.* W: LYA. Z. K–1. Kat. 58. S. P–13970.
- Spisok otwietstwiennyh rabotnikow i služaszczich TatCIKa za 1921 g.* W: Gosudarstwiennyj archiw Rjespubliki Tatarstan (GA RT). Z. 732. Kat. 1. S. 86. 179 k.
- Stalin, Bierija i sud'ba armii Andersa w 1941–1942 gg.* (*Iz rassiekrieczennyh archiwow*) 1993. *Nowaja i nowiejszaja istorija* 2: 59–90.
- Usmanowa, Dilara 2008a. „Waisowcy w Litwie”. W: *Orientas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai*. Vilnius: VU leidykla.
- 2008b. „Dokumenty po istorii polsko-litowskich tatar iz archiwa Litwy. Bratja Achmatowiczi”. *Gasyrlar awazy – Echo wiekow* 1: 126–141.

²⁹ LYA. Z. K–1. Kat. 58. S. P–12811. Л. 62. Тоже (Usmanowa 2008с: 136–146).

³⁰ LYA. Z. K–1. Kat. 58. S. P–13614. Л. 42.

- 2008c. „Dokumenty po istorii polsko-litowskich tatar iz archiwa Litwy. Sledstwiennoje Dielo Olgierda Najman-Mirza Kriczinskogo”. *Gasyrlar awazy – Echo wiekow 2*: 136–146.
- 2009. *Musulmanskoje „siektantstwo” w Rossijskoj impierii: „Waisowskij Bożyj polk starowierow-musulman”. 1862–1916 gg.* Kazań: Fen.
- 2014. „Kontakty wołgo-uralskich i polsko-litowskich tatar w pierwoj trieti XX w. Kulturno-rieligioznyje i obszczestwiennno-politiczeskije swiazi w musulmanskoj ummie Rossii”. *Lietuvos istorijos studijos* 11: 81–98.
- Żurawlew, Siergiej 2005. „NKWD naprasno nie sażajet”: Osobiennosti izuczenija sledstwiennogo dieloproizwodstwa 1930-ch gg.». W: *Socyalnaja istorija. Jeżegodnik 2004*. Moskwa: ROSSPEN.
- Yana milli yul (New National Way) 1937. 10 (115). Berlin.